

Н. А. Мещерякова
Петрозаводск

DOI: 10.15393/j9.art.2011.323

**ОППОЗИЦИЯ ЯЗЫЧЕСТВО — ХРИСТИАНСТВО
В АНТИЧНЫХ РОМАНАХ В. БРЮСОВА
(к постановке проблемы)**

В читательском сознании В. Брюсов — прежде всего поэт, яркий выразитель русской поэтической культуры эпохи символизма. Слава В. Брюсова-стихотворца, вождя символистской поэтической школы, отчасти способствовала тому, что другие области литературной деятельности, которым он уделил немало внимания, остались в тени и невольно отступили на задний план перед масштабностью и силой его поэтического самовыражения. Между тем в области художественной прозы В. Брюсов активно трудился на протяжении всей творческой жизни. Его исторические романы «Огненный ангел» (1908) и «Алтарь Победы» (1912) стали событием в русском литературном процессе начала XX века. И тем не менее именно историческая проза В. Брюсова относится к наименее изученной части его литературного наследия. Существует четыре специальных исследования, касающихся «античных» романов Брюсова¹. Однако многие вопросы, связанные с истолко-

ванием их смысла и объяснением их строения, остаются невыясненными. Особого внимания требуют образы, мотивы и темы, восходящие к язычеству и христианству. В исследовательской литературе были отмечены многие важные факты, связанные с этой темой, но главным образом на материале поэзии. Проблема язычества и христианства в романах В. Брюсова отдельно в литературоведении не рассматривалась.

Основу «античных» романов образует «римский миф» — сложное, органически связанное со структурой художественных текстов единство, включающее образы языческой и христианской мифологии, цитаты и отголоски библейских текстов, памятников античной и современной истории, произведений мировой литературы. Эти столь разные элементы в брюсовских романах вступают друг с другом в отношения, зачастую оппозиционные.

Оппозиция язычество — христианство подчеркивается названиями романов «Алтарь Победы» — «Юпитер поверженный», ключевое значение приобретают языческий культ богини Весты и культ Христа — Антихриста. Оба культа представлены возлюбленными главного героя романов — Юния.

Рея — христианка, Гесперия — язычница, но имя христианки тесно связано со значимыми в античной мифологии именами Реи — богини-матери и Реи-Сильвии (матери Ромула и Рема), а Гесперия в финале романа «Алтарь Победы» становится христианкой. Оппозиция язычество — христианство снимается, важным остается только чувство героя к этим женщинам, допускается множественность истин. Юний рассуждает:

...не все ли равно: в конце концов ведь не из ревности к древней религии поехал я в Медиолан и подверг себя смертельной опасности, а ради любви к Гесперии, которую я считал прекраснее всех женщин в мире. И довольно было, чтобы мне желанной стала близость к Рее, чтобы я охотно исполнял какие-то безумные обряды в честь грядущего Антихриста².

© Мещерякова Н. А., 2011

¹ Слинко М. А. «Античные» романы В. Брюсова: историко-культурный смысл, художественная структура, традиции. Воронеж, 1997; Барковская Н. В. Поэтика русского символического романа. Екатеринбург, 1996; Ломтев С. В. Проза В. Я. Брюсова в контексте русского символизма: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 220 с.; Абрамович С. Д. Историческая проза В. Брюсова: Дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1974. 202 с.

² Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. V. С. 190. Далее ссылки на текст В. Брюсова даются по этому изданию с указанием в скобках тома — римской и страниц — арабскими цифрами.

Создается авторский миф о движущей силе страсти. Страсти побуждают к поступкам Рею и Гесперию — фанатичная вера одной и стремление к власти другой. Языческие и христианские мифы приобретают тождественный смысл. Рея уподобляется деве Марии (в Риме и Медиолане она живет под этим именем, многие из мятежников считают ее Пречистой Девой). В «Юпитере поверженном» ее замещает Сильвия, в планах Брюсова к этому роману она имеет имя Мария (V, 668). Ассоциация Реа-Сильвия — дева Мария получает подтверждение через мифологические источники: весталок выбирали среди девочек 6—10 лет, об этом подробно пишет автор в Примечаниях:

Свой обет весталки давали на 30 лет. После 30 лет весталки имели право вернуться в частную жизнь и выйти замуж, но редко кто этим правом пользовался (V, 610).

Дева Мария также с детства живет при храме и в 12 лет дает обет девства. В тексте Реа сообщает Юнию, что он избран Провидением, чтобы вместе с ней служить высшей воле:

Я люблю тебя как брата, но иной любви к тебе у меня не может быть... так как я посвятила себя богу (V, 130).

Гесперия тоже уподобляет себя весталке:

Я отвергла всех мужчин. Мой муж более не муж мне, все другие, окружающие меня, — только мои друзья и помощники. Кто похвалится большим, тот солжет. Подобно жрицам Круглого храма, я тоже дала обет, и, если я нарушила его, пусть со мной поступят, как с той из них, кто провинилась перед богиней (V, 220—221).

Пространства Реи и Гесперии не совпадают: и одинаково губельны для Юния. Как Гесперия создана «на погибель людей», так и Реа представляется «каким-то демоном посланной» (V, 76).

Обреченность и безвыходность положения главного героя акцентируется символически имен³. Реа выбирает его, руководствуясь своими пророчествами о явлении Антихриста, которого уподобляет Христу:

³ Реа — виновная (греч.) — поясняет Брюсов в Примечаниях (V, 570).

Исполнились сроки и приблизилось время Gratianus imperator! Тот, кого именуют покровителем церкви. Сочти число букв имени его. Не восемнадцать ли оно? Трижды шесть — число зверя. <...> Не за восемнадцать ли дней до календ встретились мы с тобой? Не восемнадцать ли лет тебе, юноша? Не из рода ли ты Юниев? Признай, что о тебе гласит давнее пророчество «Magnus et potens erit, sed junioris robure accrescet?» <...> «Я — Реа — виновная, приемлю на себя грех пророчествовать об Антихристе. Ты Децим, десятый, и будешь убит, когда десятого постигнет кара небесная» (V, 40—41).

В Примечаниях автор разъясняет, что пророчество Реи о том, что «он будет велик и мощен, но возрастет благодаря силе юноши», основано на игре слов junior (юноша) и Junius (имя). Децим — десятый — намек на обычай декумации, казни каждого десятого по счету из толпы (V, 570). Реа знакомит Юния с найденным ею Антихристом, которого называет Люцифератом. Люцифер — один из вариантов имени сатаны в христианской традиции, в античной мифологии — это одно из названий утренней звезды — планеты Венеры (богини любви). Другое название этой же планеты, но как вечерней звезды (обращаем внимание на важность оппозиции день — ночь, утро — вечер) — Геспер.

Гесперию — свою языческую возлюбленную — Юний не раз сравнивает с мудрыми Гесперидами (V, 49), автор не забывает при этом сообщить в Примечаниях:

Hesperides — дочери Атланта (или Геспера) и Ночи, жившие на Счастливых островах (V, 572).

Кроме того, Гесперия (греч.) — поэтическое название Италии, по понятиям Юния, царицы мира (V, 335). Для него же царицы — Реа и Гесперия (V, 207, 339).

Во втором романе развитие любовного треугольника происходит по двум направлениям: Сильвия — Юний — Гесперия; Лидия — Юний — Гесперия. Второе из направлений тоже имеет пространственный выход: Лидия — имя жены, которая долгое время жила на востоке, а позже стала христианкой; кроме того, Лидия — область в Малой Азии; христианство, по мнению Юния, «губельные восточные предрассудки» (V, 523). Гесперия (Запад) — Лидия (Восток) — еще один изоморф оппозиции язычество — хри-

стианство. Кроме того, прозвище Лидии — Беата (блаженная), а для Гесперии в ряду многих характерные сравнения Эринния, Харибда; только в своем доме, с Лидией, следуя ее советам, Юний может иметь мир и покой (V, 446), но он делает другой выбор. Так сюжет приобретает характер бесконечного наращивания однотипных эпизодов, построенных по инвариантной модели (длинная цепь любовных приключений героя, следующих одно за другим).

Интересны и другие неожиданные модификации, которые претерпевают образы христианской мифологии. В романах В. Брюсова они имеют прямую связь с главным героем. У христиан-мятежников он живет под именем Иоанна-Богослова — любимого ученика Христа, но в этой сюжетной ситуации можно наблюдать множество других аллюзий, отсылающих к библейским текстам. Новое село, где живут мятежники, становится не только символом новых законов и новой жизни (V, 343) — место сравнивается с Синаям, где услышал божьи заповеди Моисей (Исх. 19:20, 32), с Фавором, где Иисус преобразился перед учениками в божество (Мф. 17:1—8; Мк. 9:1—10), Кедром — проливом, где находился сад, в котором Иисус последний раз гулял с учениками (Ин. 18:1), но и Голгофой — местом, где оборвалась жизнь Иисуса (Ин. 19:17—30) — символом крестной смерти. Гибель Реи представляется своего рода распятием:

Реа распростерла руки, образуя всем телом как бы крест... Но тут один из дротиков со всего размаха ударил в Рею. Не успев опустить распростертые руки, она, как большая алая птица, рухнула на землю. Дротик попал ей прямо в лицо, прошел сквозь рот, и острие вонзилось в землю, пригвоздив к ней голову Реи (V, 362—363).

Юний присутствует в момент ее гибели рядом. В Библии из всех апостолов лишь об одном Иоанне Богослове (ученике, которого любил Иисус (Ин. 19:26)) говорится, что он стоял на Голгофе у креста. На протяжении жизни среди мятежников Юний, как мог, поддерживал Рею (а именно Иоанну Христос поручает заботы о матери (Ин. 19:27)). Сложные отношения Юния-Иоанна с Петром также отсылают к библейским текстам. «Апостол Петр» в стане Реи — единственный образованный и умный человек, ко-

торый может руководить мятежом; у него в лагере особое положение (библейский Петр наряду с Иоанном занимает центральное место среди учеников — он всегда перечисляется первым из апостолов, именно Петра Христос учреждает «пастырем над своими агнцами») (Ин. 21:15—17). Как известно из рассказов евангелистов, Петр непрестанно свидетельствовал Христу свою любовь и преданность, но во время Тайной вечери Христос предрек ему тройное отречение, что позже и произошло (Ин. 13:37—38). Романый Петр также оказывается изменником, и Реа, зная об этом, все же доверяет ему свое «стадо». Осложняется ситуация инвариантом из другой системы: историей о спартанцах Леонида, которые могли бы выиграть сражение, «если бы не было малийца Эфиальта — предателя, который показал врагу путь через гору Эту» (V, 358). Так мифическая ситуация трансформируется в типичную жизненную.

Реа своим последователям представляет все как торжество «Восстающего из Мрака» (V, 343). Наиболее четко последнее явление описывается в «Окровении Иоанна Богослова». Чудесное спасение Юния также можно считать аллюзией, отсылающей к библейскому тексту (чудесное спасение Иоанна). Вообще с Иоанном Богословом в теологии и литературе связаны таинственные мистические мотивы. Возлежание на груди Христа во время Тайной вечери понималось как выражение предельно интимного общения мистика с Богом. То же подчеркивается в линии Реа — Юний. Здесь важное значение приобретает мифологема «божественный промысел», действием которой обусловлена жизнь Юния в целом. Эта мифологема тесно связана в романе с ситуацией узнавания (V, 132), предсказания (V, 40, 75, 350). Способы узнавания и предсказания различны: сны (V, 154, 177), гадание (V, 70), астрологический прогноз (V, 376—377), пророчества (V, 41, 390), видения (V, 177, 350, 368). Четко выявляется оппозиция Случай — Провидение.

Люди становятся орудием незримой воли, которая сама поведет нас, — пророчит Реа, — сама устранит все препятствия с пути, сама даст удобный миг и случай (V, 160).

В языческом же контексте Юний не раз сравнивается с богом Меркурием: он красив, как Меркурий, он выполняет роль посланца, вестника, он почитает красноречие; для неоплатоников планета Меркурий означала такую стадию на пути Мировой души, когда она обретает способность говорить и объяснять.

Отметим еще один аспект оппозиции язычество — христианство. Если с точки зрения главного героя эта оппозиция не столь важна, то в общем контексте произведения она приобретает высокий смысл. Автор показывает разложение «римского мифа», но при этом акцентирует внимание на связи христианства с более древними религиями и политических причинах его победы. «Римский миф» распадается в связи с обострением социальных противоречий, утратой Римом его характера гражданской общины. Знать и «интеллигенция» обращаются к различным религиозно-философским течениям, по-своему толковавшим старые мифы и природу богов, к астрологии (Юний с уважением прислушивается к предсказаниям Вибиска (V, 376—378), восточным культам. Вот, например, как описывается состояние одного из руководителей языческого заговора Флавиана:

В его голове смешались все религии земли, и он с одинаковой страстью защищал поклонение Осирису и Исиде, не говоря о Великой Матери, или Матери, или Митре, как божеству Юпитера и Юноны, только одна вера в Христа была ему ненавистна, и ее он презирал от всей глубины души (V, 514).

Тем не менее растет тяга к единому всемогущему Богу, стоящему близко к «маленькому человеку». Этим объясняется популярность учения Реи о конце света.

Наличие множества религий порождает двойственность в вероисповедании (герои клянутся одновременно Юпитеру и Пресвятой деве Марии (V, 14); нищие просят милостыню, «кто ради Христа», «кто во имя Юпитера»). По всему роману разбросаны субъективные рассуждения о вторичности, неоригинальности христианства — вроде высказывания Гесперии:

Христиане только уверяют, что поклоняются единому богу. Они уже сотворили вместо одного трех богов. Подобием наших олимпийцев они сделали своих высших ангелов... чтобы за-

полнить пустоту между божеством человеком. А наше поклонение героям заменили поклонением мученикам и святым. Они во всем подражают нам, чтобы скрыть несообразности своего учения (V, 48).

Энделехий, уважаемый ретор, говорит о тайне троичности — тайне, которую христиане похитили у философии, разделении всего мыслимого на Бытие, Ум, Движение (V, 59). Получается, что христианские культовые традиции также заимствованы из более древних источников. Например, в «Юпитере поверженном» Брюсов останавливается на описании тавроболии — обряда очищения жертвенной кровью, высшего таинства религии Митры, сравнивая его с крещением (V, 665):

Флавиан желал очиститься сам и с этой целью избрал великое священнодействие тавроболии. Он готовился к нему в течение многих дней уединенными размышлениями, благочестием, паломничеством к священным урочищам и постом, уподобляясь в том христианским монахам (V, 514).

Седьмой день недели политеисты посвящали богу Аполлону, его же особенно стали чтить и христиане (в память воскресения (V, 118, 590)). Так автор, по сути, дает «свою» историю христианства, и художественное изображение производно от его субъективного переосмысления религиозно-философской проблематики.

Итак, оппозиция «язычество — христианство» в античных романах В. Брюсова не является взаимоисключающей, но имеет взаимопроникающий характер. Это можно объяснить культурно-исторической концепцией В. Брюсова, в основе которой идея о том, что при смене культур новая ассимилирует старую и готовит почву для последующей культуры, при этом сменяющие друг друга цивилизации равноправны и равноценны. Именно позиция равновесия помогает писателю удержаться от идеализирования античности или христианства и способствует художественной достоверности и точности.